

ТАЙНА ЛЕСНОГО ОМУТА

— ЮЛИЯ —
ЕВДОКИМОВА

18+

Юлия Евдокимова

Тайна лесного омута

Серия «Дела минувших дней», книга 2

<https://litres.ru/73863029>

SelfPub; 2026

Аннотация

Летний вечер, дворянская усадьба, чай с ватрушками. Идеальное место... для убийства.

Анастасия Мичурина приезжает в гости к родственникам, а попадает на место преступления. Люди шепчутся о русалках, девушки тонут в пруду, одинокий дворянин в полузаброшенном поместье пугает округу.

Разве Настя может остаться в стороне! Тем более, что в дело вступают ее давние знакомцы, чиновник по особым поручениям князь Гагарин и таинственный иеромонах Филарет. Вместе они обязательно докопаются до правды!

Вот только мешают чувства-с. А упустишь важные детали - и убийца подберется слишком близко.

Уютный ретро детектив с расследованием, грехами, чувствами и ватрушками с изюмцем. Ведь чем бы история не закончилась, ужин никто не отменял!

Содержание

Глава 1.	10
Глава 2.	20
Глава 3.	28
Глава 4.	39
Глава 5.	58
Глава 6.	70
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Юлия Евдокимова

Тайна лесного омута

У русалки мерцающий взгляд,
Умирающий взгляд полуночи,
Он блеснит, то длинней, то короче,
Когда ветры морские кричат.
У русалки чарующий взгляд,
У русалки печальные очи...
(Николай Гумилев. Русалка»)

Все совпадения персонажей и событий случайны.
Выглядывая из окна спальни, Наташа Засекина вытянула

шею, пытаюсь разглядеть темное небо над лесом. В усадьбе родителей, князей Засекиных, сегодня принимали гостей и обещали фейерверк — но её посчитали слишком юной, чтобы присутствовать на ужине.

Как будто ей не четырнадцать! Она уже взрослая.

Зная характер дочери, родители, во избежание непослушания, отправили Наташу к друзьям семьи, помещикам Мелецким. С их дочерью Софьюшкой они давно дружили, а теперь и обидели их вместе, оставили в поместье Мелецких, словно малых детей, пока взрослые развлекаются.

Внизу послышался шум. Наташа опустила глаза, заметила движение в темноте и услышала щелчок закрывающейся двери.

По садовой дорожке пробежала хрупкая фигура. Софьюшка?

Словно почувствовав взгляд, девушка остановилась и оглянулась на дом. Куда она направлялась? Смотреть фейерверк? Без неё?

Наташа сжала пальцы до боли. Это так несправедливо. Она всего на год младше Софьи — но это не значит, что ею можно пренебрегать! А если... если Софья решила бежать из дома, воспользовавшись моментом? Почему она ни слова не сказала? Они же всем всегда делились! Если она убегает, то... к мужчине. Боже, какой скандал! Маменька говорила, что Софьюшку скоро замуж выдадут, всё почти сладилось. А сама она лишь смотрит лукаво и смеется.

Прежде чем Наташа успела окликнуть подругу, Софья растаяла в темноте.

* * *

На следующее утро девушка проснулась в кровати и в первый момент не поняла, что происходит — оказывается, она даже не разделась. Вчера расплакалась от обиды и незаметно заснула.

Она вскочила при стуке в дверь. На пороге стояла встревоженная хозяйка дома.

— Софьи нет в постели, — сказала Мелецкая, заглядывая в комнату через голову Наташи, словно надеясь увидеть дочь здесь. — Ты знаешь, где она?

В голове девушки промелькнула сцена: Софьюшка бежит по садовой дорожке, на миг останавливается, оглядывается на дом.

— Может быть, она вышла прогуляться?

— В её постели никто не спал! Что я всегда говорю вам, девочки? Прежде всего — правила приличия. Вы не успеете в жизни, если не выйдете удачно замуж. А для этого нужна безупречная репутация. Софья что-то тебе говорила?

— О чем?

— Господи Всемогущий! О том, куда она пошла.

— Я не видела её сегодня утром. Аркадий Владимирович... он уже знает?

Мелецкая закатила глаза:

— Входная дверь была открыта, ворота не заперты. Ко-

нечно, знает. Так что лучше скажи мне сейчас. Куда она пошла?

— Вы думаете, она... — Наташа запнулась.

Женщина подняла брови:

— Скажи сама. Если она сбежала...

— Такого никогда не случится. Софья слишком рассудительна, чтобы сбежать.

— Хотелось бы верить. Но где же она?

Наташа распахнула дверь в спальню подруги, почти ожидая, что та сейчас выскочит из шкафа с веселым смехом. На кровати никто не спал, это очевидно. Все вещи в шкафу. Неужели Софьюшка убежала бы, оставив новенькие ботиночки на каблуке?

Дверь открылась, вошел хозяин дома.

— Я хотела посмотреть, не пропала ли одежда Софьи, — сказала Наташа.

— И? — Мелецкий смотрел встревоженно, но скорее из-за неудобства ситуации, чем беспокойства.

— Я не вижу, чтобы что-то пропало. Только та одежда, в которой она была вчера вечером.

Мелецкий перевел взгляд на старомодный шкаф:

— Непонятно, почему она вот так исчезла. А тебе понятно?

Наташа помотала головой.

— Может быть, она хотела посмотреть фейерверк и отправилась к Засекиным? Ночью, через лес? — Его супруга

приложила шелковый платок к глазам. — Она тебя не звала? Вы ни о чем не договаривались?

Наташа снова молча помотала головой.

— Скоро за тобой приедут. Пока спускайся, позавтракай. А я отправлю дворовых на поиски.

Наташа спустилась вниз, но вместо завтрака вышла из дома и прошла по той самой дорожке, где вчера видела Софью.

Как замороженная, двинулась по тропинке: через маленькие деревянные ворота, на подъездную аллею, которая вела под массивную каменную арку и на главную дорогу.

Ступив за арку, она услышала шелест деревьев и шорох листьев. Неужели кто-то наблюдает за ней под старыми дубами?

— Соня? Это ты?

Только ветер шумит в кронах.

После долгих дождливых дней тропинка через лес заросла и стала труднопроходимой. Деревья густо смыкались над головой, заслоняя свет; опавшие листья лежали под ногами мокрым ковром. Наташа хорошо знала этот путь — старые камни всё еще виднелись среди травы.

Она направилась через мокрую траву к месту, где была устроена терраса. Из каменной беседки открывался вид на большой лесной пруд, полный водяных лилий.

Темная вода стояла гладкой, без единой ряби. Лепестки белых и розовых водяных цветов казались неестественными — словно вырезанными из воска. Но что-то торчало из круг-

лых блестящих листьев. Что-то похожее на ступню.

Наташа подошла ближе, скользя взглядом по всей длине пруда. Сквозь мутную воду она различила колено, бледное бедро, рябь зеленой ткани...

В нескольких сантиметрах под поверхностью плавала женщина в красивом платье, частично запутавшаяся в водяных цветах. Её кожа была почти такой же бледной, как окружающие лепестки, а волосы казались посеребрёнными. Со-
ня...

Глава 1.

Ночь выдалась ветреной и холодной. Пушистые облака мчались по чернильно-черному небу, из них изредка выглядывал полумесяц, но бледный свет не достигал земли. Идеальная ночь для дел, которыми занимались Иван с приятелем. Они знали кладбище наизусть и хорошо ориентировались в темноте. Слишком рискованно брать с собой лампу или даже свечу.

Прохор ненавидел кладбища и был убежден, что однажды усопшие придут наказать их за то, что потревожили покой. У Ивана таких иллюзий не было. Эти люди мертвы и ушли навсегда. Он не верил в Бога так же, как не верил в нечистую силу, и не ожидал, что попадет в рай или ад. Смерть была для него концом, и он не видел причин не извлечь из этого выгоду. Всё остальное — сказки для дураков.

Это было выгодное ремесло. Всегда находилось, чем поживиться, и имелись те, кто с удовольствием скупал украшения, снятые с мертвых тел, а то и одежду. Жена Ивана всё отстирывала золой и мыльным корнем, потом выглаживала на вальках рубелем — деревянной доской с вырубленными топором поперечными желобками. Выстиранную и высушенную вещь она складывала вдоль в несколько слоев и плотно наматывала на деревянный валик-каток, клала сверху рубель и прокатывала им по свертку вперед, с силой прижи-

мая обеими руками за рукоять и противоположный конец. Ребристая поверхность рубеля разминала жесткую и грубую ткань, разглаживала ее. Тяжелый труд, но и платили за красивую одежду немало.

«Прибыль сегодня будет», — радостно подумал Иван, когда лопата Прохора с глухим стуком ударилась о крышку гроба. Это захоронение обязательно принесет деньги. Свежее, похоронили только вчера. Тут будет чем поживиться!

— Давай вытащим его, — прошептал мужик, когда гроб стал полностью виден.

Прохор вскочил и ломом открыл крышку. Бросил лом на землю, наклонился и поднял крышку, стараясь не задеть торчащие гвозди. Как только тело показалось в поле зрения, облака расступились, озарив грабителей слабым светом. Прохор завопил дурным голосом, уронил крышку, выскочил из могилы и помчался куда-то, не разбирая дороги.

— Подожди, идиот! — крикнул Иван ему вслед, но болван всё еще выл. Не хватало еще разбудить ночного сторожа!

Он выругался и обдумал варианты. Конечно, он можно вытащить тело и одному, но это займет слишком много времени, да поймать могут, поле таких-то воплей подельника. Но с пустыми руками он не уйдет!

Мужик спрыгнул в могилу и отодвинул крышку, которую Прохор уронил на гроб. Замер, словно не веря своим глазам. Перекрестился, выскочил из могилы и рванул с кладбища, забыв лом. Сердце колотилось так, что вот-вот вырвется из

груди.

Он бежал со всех ног, не переставая орать, пока не шарахнулся в сторону, едва не попав под колеса экипажа, торопившегося куда-то по ночной дороге.

Пока нашли сельского старосту, а тот поднял нескольких мужиков, забрезжил рассвет. Воздух был свежим и бодрящим, ветер играл с листвой в кронах деревьев, заливались пением птицы. Где-то вдалеке лаяла собака, и вся картина была бы настолько мирной, насколько можно вообразить, если бы они не стояли возле разрытой могилы у самой кромки кладбища, ошеломленно глядя вниз.

Священник, представившийся отцом Степаном, выглядел лет на двадцать, хотя, конечно, был старше. Лиц моложе тридцати лет рукополагали лишь в том случае, если они оканчивали академию, но выпускник академии вряд ли отправится в приход в глубинке. Хотя всякое бывает.

Отец Степан то и дело прикасался к простому кресту, висевшему чуть ниже грудины, поглаживал дерево, словно это прикосновение могло принести ему утешение.

— Это ужасно. Просто ужасно, Ваше сиятельство. Я и понятия не имел, что такое может случиться, — бормотал он. — У нас было несколько инцидентов... конечно, было. Вот, например, на прошлой неделе разграбили могилу одного усопшего... похитили фотографии детей, которые супруга его положила в могилу. Полагаю, грабителям наплевать на портреты, их интересовала только серебряная рама, но бес-

сердечность этого поступка просто шокирует. А я предупредил, что негоже класть фотографии во гроб, предупредил!

— Конечно. Но, послушайте, эта могила находится на значительном расстоянии от остальных.

— Да, это так. Вот почему всё это весьма странно.

— И почему же?

Отец Степан глубоко вздохнул, пробормотал короткую молитву себе под нос и крепче сжал пальцы на кресте.

— Кладбище церковное заканчивается вот здесь, — сказал он, указывая на невысокое деревце позади себя. — А вот здесь, — он широко раскинул руку, показывая пустую полосу земли, на которой они стояли, — ничейная земля.

— Ничейная земля?

— Это же кладбище, Ваше сиятельство. И земля церковная, как вы, наверняка, знаете. А там — уже нет.

— Понятно. Так зачем же кто-то выкопал здесь могилу?

— Потому и странно. В воскресенье могилы не было.

— Вы хотите сказать, что это незаконное захоронение с самого начала?

— Именно, именно, Ваше сиятельство.

— И такое часто случается?

— Э... мы время от времени обнаруживаем такие захоронения, но... это ожидаемо.

— Боюсь, я не понимаю.

Щеки священника чуть порозовели:

— Видите ли... это матери... они хоронят некрещеных

младенцев на краю кладбища, у деревьев. Думают, что там сложнее будет заметить. Это сложно... ну, то есть я должен что-то предпринять, но... — Он запнулся. — А это совсем другое дело. Это сатанинское захоронение.

— Извините?

Священник собирался ответить, когда к ним подошел деревенский староста. Вид у него был таким же озадаченным, как у других.

— Надо бы сообщить... Ну, это... начальству. Только земля-то церковная. Кому сообщить-то, барин?

— Я сам сообщу. Утром доложу его превосходительству губернатору. Я сам займусь этим делом.

— Барин... — Староста помялся. — Я тут вроде как поставлен для таких дел. Надобно уездного исправника известить. А вы, это... с какими полномочиями?

— Чиновник по особым поручениям князь Гагарин. А опыт мой — не твое дело. Всё, что от тебя требуется, — найти место, куда отнести тело. Позже заберут в морг.

— Э-э, ваше-ство... народ же спрашивать будет, что и пошто.

— Вот и успокоишь народ. Раз поставлен для таких дел.

— Ваше сиятельство, очень любезно, что вы предложили... сами, — начал священник.

Князь отмахнулся:

— Знаю, земля церковная. Но слишком уж дело странное. Вы мне вот что скажите: девушка вам знакома? В деревне

живет или, может, на службе видели?

Священник и староста замотали головами.

— Не видели.

Староста даже перекрестился трижды, пробормотал с надеждой:

— Так я это... пойду? Чаю бы испить, холодно тут. А потом всё организую, я быстро, я всё сделаю.

Священник глянул искоса на князя, потом усмехнулся:

— Думаю, тут одним чаем не обойдется. Такое увидишь, так...

— А вы, батюшка, опишите мне еще раз всю ситуацию.

По словам отца Степана, участок земли, где похоронили девушку, не относился к кладбищу, а значит, захоронение произвели на неосвященной земле. Могилу, по-видимому, осквернили грабители всего через несколько часов после погребения. Но если земля не освященная, то имеет ли место осквернение?

— Не знаю, как по вашему мнению, но осквернение места последнего упокоения всегда является преступлением, — сказал князь. — Жаль, мы не остановили грабителя, — он кивнул на кучера, всё это время безмолвно маячившего за его спиной. — Если бы не вопли мужика, мы бы не пошли посмотреть, в чем дело. Но сам грабитель убежал. Видите, весь инструмент, так сказать, бросил.

— Тут их прозвали «воскресителями», этих расхитителей могил. Думаю, найдутся. Меня не это беспокоит... Лезвие

косы, вбитое в грудь... как серп. Что это? Кто похоронил вот так не младенца, а взрослую, наверняка крещеную девушку? Лезвие косы словно кол вбили.

— Словно начитались романов Полидори.

Священник изумленно глянул на князя:

— И вы, Ваше сиятельство, стало быть...

— Читал, как же. Если граф Толстой так впечатлился романом Полидори, то что уж говорить о прочих. Но вы, отец Степан, меня удивляете. Молодой, образованный священник в такой глуши?

— Я служу в Богородицке, в шести верстах отсюда. Местный священник отошел ко Господу, вот меня и направили временно. Округа тихая, кто бы мог подумать, что здесь такое может случиться.

— Ничего необычного, говорите, не случается?

— Года два назад господская дочка в пруду утонула. Софья Мелецкая. Отца после этого удар хватил. А больше ничего. Правда...

— Что? Не смущайтесь, батюшка, рассказывайте.

— Говорили... что является она. Дочка-утопленница.

— Ну, вот вам и вампир.

— Слов таких, Ваше сиятельство, в деревне не знают, романов Полидори не читали. Говорят, она мутницей стала. Утонула в русалочью неделю, вот и обратилась.

— Кем стала?

— Мутницей. Ну, это в наших местах так русалок зовут.

— Что ж, к вечеру я вернусь. Отец Степан, не найдется ли здесь места, куда перенести тело? Староста с мужиками перенесут тихонько — лучше лишний раз не тревожить деревню, не вызывать ненужных разговоров.

— Тут есть холодник, но...

— Но?

— Зря вы, ваше сиятельство, это затеяли. Колдунью надо сжечь.

— Вы же образованный человек. Я не верю в колдовство или какие-то формы чародейства.

— Разве этого нет? — прищурился священник.

— Колдуний нет, отец. Как и русалок. Есть только суеверные люди, которые поддаются страху и истерике.

— Остерегайтесь высмеивать верования людей, князь. Такое вопиющее пренебрежение может привести к ужасным последствиям.

— Это угроза?

— Что вы, Ваше сиятельство. Это просто предупреждение.

— Вы точно ее не знали?

Отец Степан покачал головой:

— Я её никогда раньше не видел.

— Значит, она не была здесь прихожанкой, по крайней мере в последнее время?

— Нет.

— Тогда почему кто-то решил похоронить её именно

здесь?

— Потому что это освященная земля, и тот, кто это сделал, хотел её осквернить.

— Но ведь девушку похоронили за пределами кладбища, не так ли?

— Да, но я думаю, что похороны были задуманы как оскорбление. Возможно, даже как угроза.

— Или как защита, — сказал князь.

— Защита?

— Возможно, они считали, что захоронение рядом с церковью обеспечит дополнительную защиту от любого вреда, который покойница могла бы причинить.

— Она должна отправиться в ад!

— Вы полагаете, она не заслуживает милосердия?

— Милосердие нужно заслужить.

— Но если вы ничего о ней не знаете, как можете считать, что она не достойна прощения?

— Не зря говорят: дыма без огня не бывает. Если кто-то счел нужным похоронить эту молодую женщину таким образом, у него должны быть веские причины.

Гагарин повернулся и увидел у стены трость. Поднял, повертел в руках.

На дереве были глубокие царапины — не случайные, не от ударов. Кто-то вырезал на трости знаки. Крестики. И ещё что-то — может быть, буквы, может быть, руны.

— Ваша?

Священник побледнел.

— Да. Моя. Сломалась на днях.

— А что за знаки?

— Я... — отец Степан запнулся. — Я не знаю. Трость старая... От отца досталась.

— Зачем священнику трость?

— Ноги болят. С детства. Доктор посоветовал.

Глава 2.

— Ты, дорогой мой, сказки какие-то рассказываешь. — Губернатор поморщился, выслушав доклад чиновника по особым поручениям. — Из-за деревенских глупостей я должен беспокоить его преосвященство, да ещё и тебя от дел отрывать?

Он нахмурился.

— Но если не сказки... не нравится мне это дело. Хорошо, что ты там на месте оказался. Утаим от газетчиков? Не хотелось бы вновь прославиться подобным происшествием. Хватит прошлогоднего.

— Так я отправлюсь на место?

Губернатор задумался. Был он человеком молодым — сорока ещё не исполнилось, — но опытным. Родился в семье графа и княжны, сделал блистательную военную карьеру на Кавказе, затем поступил на дипломатическую службу и провёл некоторое время в Англии. Губернаторствовал, а точнее генерал-губернаторствовал, ибо имел генеральский чин, в Серафимовске он четвёртый год. С Гагариным они почти приятельствовали — матери их были дальними родственницами, — но на службе оба вели себя строго, не позволяя вольностей в общении. Сейчас беседа была доверительной, тет-а-тет, и губернатор мог откровенно выразить свои опасения.

Темноволосый, бородатый, начинающий лысеть, он выглядел вполне солидно для своей должности, несмотря на возраст.

— Расскажи-ка ещё раз, всё подробно.

— Гроб обычный, не дорогой. Простой деревянный ящик с верёвочными ручками. Похоронена молодая женщина, скорее девушка. На вид не больше шестнадцати, светловолосая и, должен сказать, несмотря на всю странность сцены, я бы сказал, что она очаровательна.

— Крестьянка?

— Нет, что меня и беспокоит. Качество ночной рубашки, в которой она похоронена, весьма высокое. И лицом девушка весьма... благородна. Она выглядела как спящий ангел, если бы не... коса в груди.

— Но это ужасно! Неужели опять известная семья? Что ещё?

— Ноги девушки прикованы цепями ко дну гроба. Кандалы на лодыжках закреплены грубыми треугольными замками. Запястья тоже скованы — железные наручники скреплены толстой цепью. Из сердца молодой женщины торчало лезвие косы. Сразу не поняли, что это — сверху наброшены волосы. А потом пригляделись и... И полынь. В волосы вплетена.

— Что это значит?

Князь Гагарин пожал плечами:

— Еле уговорили мужиков, чтобы отнесли тело. Там, в

холоднике у церкви, и оставили. Священник не в себе, места не находит. Думаю, грабители поняли, с чем имеют дело, так что нужно их найти. Пусть расскажут, впервые ли увидели подобное захоронение.

— Что же должна была сделать бедная девушка, чтобы быть похороненной ночью на неосвящённой земле в таком виде? — покачал головой губернатор.

— Сначала я подумал: не самоубийца ли она. Понятно, что на церковном кладбище таких не хоронят — вот родные и закопали за его пределами, но рядышком. Однако меры, принятые для того, чтобы девушка оставалась в могиле, показались мне чрезмерными для несчастной души, лишившей себя жизни. Коса и кандалы — либо свидетельство настоящего страха, либо чьё-то намерение навсегда опорочить эту молодую женщину. В любом случае, независимо от того, умерла ли она своей смертью или была убита, её кончина подозрительна.

— Хорошо, убедил. Постарайся обойтись без огласки. И... ты уверен, Павел Александрович, что надо беспокоить владыку?

— Уверен. Священник там странноват. Явно из хорошей семьи, образованный, похоже, не местный. И при этом мракобес. Как бы не перепугал народ и не начал мешать. Думаю, поддержка не помешает. Да и без неё тамошние церковные власти могут воспрепятствовать нашему расследованию — это их территория, не наша.

— С владыкой я поговорю. Собирайся. Но долго там не задерживайся — есть другие дела.

* * *

Матушка недовольно поджала губы.

— Ты только вернулся на рассвете — и опять в дорогу? Павел, нам надо серьёзно поговорить. В твои годы пора уже задуматься о своей семье, о более размеренной жизни.

— В мои годы? Увольте, матушка. В мои годы как раз пора узнать жизнь со всех её сторон, а уж потом...

— Я говорила с княгиней Долгорукой. У неё очаровательная дочка, в детстве вы с ней играли. Они как раз недавно вернулись из Москвы — я пригласила княгиню нанести нам визит.

Гагарин хмыкнул, чмокнул мать в щеку и ретировался в свои комнаты, где нашёл дорожную сумку уже собранной. Собственно, нужно было лишь заменить одежду на чистую.

Неплохо бы подремать после бессонной ночи, но хотелось поскорее добраться до Богородицка. Есть ли там приличный постоялый двор? На гостиницу рассчитывать явно не приходится... Интересно, направит ли серафимовский епископ кого-то ему в помощь и как сложатся их отношения? Или пошлёт записку местным духовным властям, а депутата не приставит? Возможно, так и лучше.

Священники-депутаты с духовной стороны привлекались к расследованию дел, касающихся духовных лиц. Их назначали церковные власти из числа опытных священников с хо-

рошей репутацией в каждом благочинном округе. Если дело не терпело отлагательств или необходимо было произвести исследование по горячим следам, гражданское начальство могло приступить к следствию немедленно, но в присутствии депутата с духовной стороны, а при крайней необходимости — и без него. При этом дальнейшее производство формального следствия по преступлениям и проступкам духовных лиц принадлежало исключительно полиции, однако в присутствии духовного депутата.

При вступлении в должность депутаты принимали государственную присягу, руководствовались ведомственной инструкцией и процессуально-правовыми нормами. Они информировали духовные власти о ходе курируемого дела и обладали правом голоса при вынесении приговора. Также они выступали в качестве увещателей — «увещевали с прещением Страшного суда Божия», чтобы подследственный говорил правду. Для верующего, совестливого человека, знающего за собой грех преступления, увещание становилось тяжким испытанием, хотя это не всегда срабатывало, если речь шла о закоренелых преступниках.

В расследовании, подобном нынешнему, участие депутата не обязательно, но раз странное захоронение произведено почти на территории церковного кладбища и явно связано с какой-то чертовщиной — могут и прислать.

Камердинер отвлек князя от размышлений, постучав в дверь:

— Ваше сиятельство, вас тут спрашивают. Я позволил себе провести гостя в библиотеку...

Гагарин вошёл в библиотеку. Человек в тёмной одежде стоял спиной к двери и рассматривал что-то на книжных полках. Обернулся — и Павел глазам своим не поверил. Потом рассмеялся, шагнул вперёд, распахнув дружеские объятия.

— Ты? Но откуда... Ты же в Москве!

— На самом деле я везде — такая у меня служба. — Рассмеялся в ответ иеромонах Филарет. — Говорят, у тебя новое странное происшествие?

— Но откуда? Как?

— Никакой мистики, друг мой. Я возвращался в Москву из Вятки, а другого пути, чем через Серафимовск, не придумали. Заехал к владыке с визитом вежливости — ноги, так сказать, размять, — а тут такое дело. Разве я мог остаться в стороне? Так что там стряслось? Водяницы, говоришь, русалки?

— Думаю, ты последний человек, кто верит в русалок. Читал роман Полидори? Хотя что я спрашиваю — есть ли что-то, чего ты бы не читал?

— А зачем нам Полидори, когда у нас есть «Песни западных славян» Александра Сергеевича Пушкина? Читал его стихотворение «Вурдалак»?

— Каюсь, не читал. Что, и он до упырей добрался?

— Добрался. Только не расслышал сербское слово «ву-

кодлак», так и стал упырь вурдалаком. Почитай — милейшее стихотворение. Собственно, о том, что мерещится одно, а на деле оказывается совсем другое.

— Непременно почитаю. Так ты со мной?

— С тобой, друг мой. Разве ж я тебя оставлю на растерзание упырям-водяницам!

Гагарин просиял. О таком он и мечтать не смел.

Иеромонах Филарет, с которым он познакомился во время прошлого расследования, а потом и подружился, был одним из самых необычных людей, которых Павел когда-либо встречал. Он легко в одиночку провёл бы расследование, и помощи князя не понадобилось бы. Но не положено духовному депутату мирскими делами заниматься. Так они и нашли убийцу вдвоём. Вернее, втроём, но...

Словно прочитав его мысли, иеромонах поинтересовался:

— Как же поживает наша очаровательная барышня? Говорят, преуспела в торговом деле.

— Преуспела, друг мой. Всем на диво и на зависть. Но мы с ней с тех пор не встречались... к сожалению. А может, и к счастью. А то как хлопнет наша барышня-купчиха ресницами да глянет своими фиалковыми глазами — так и хочется с кем-нибудь на дуэли подраться. Но не судьба, н-да... не судьба. Но не будем о барышнях. Ты где планируешь остановиться?

— Думаю, в Амвросиевом монастыре найдётся для меня келья. Но сейчас поеду с тобой, заодно поговорим по дороге

— давно не виделись.

— Я рад, очень рад! А что ты на Вятке делал?

Иеромонах о чём-то задумался и лишь небрежно махнул рукой:

— Кикимору ловили.

— Кого? И как она... кикимора?

— А что тут рассказывать? Кикимора как кикимора... Ты не хуже меня знаешь: там, где человек прошёл, нечисти делать нечего.

Глава 3.

Утро в усадьбе наступало не сразу, а словно нехотя. Рассвет разливался по небу густым, тёплым мёдом, и лишь потом солнце выкатывалось на небосвод, пускало солнечных зайчиков в окна, щекотало ресницы.

Настя проснулась оттого, что луч солнца, пробравшись сквозь щель в тяжёлых бархатных портьерах, коснулся её щеки. Стало тепло и радостно; она тихо рассмеялась от удовольствия, потом открыла глаза и несколько мгновений не могла понять, где находится. Потолок с лепниной, непривычно высокий; запах другой — не утренних плюшек Аграфены, а что-то сладкое, дурманящее: липа, старое дерево и воск нагретых полов.

Девушка села на кровати, поправила простой утренний чепец. В этом доме, где выросла её мать, она чувствовала себя не владелицей серьёзного торгового дела, а маленькой девочкой. Стало вдруг неловко за практичную ткань дорожного платья, которое она выбирала сама, без оглядки на моду. В стенах, помнящих княжну-мать, она ощущала себя самозванкой.

Настя подошла к окну и распахнула створки. Воздух хлынул в комнату — живой и влажный. Перед ней раскинулось то, что называлось усадьбой, а на деле было целым городком. Главный дом, белый, с колоннами, стоял на возвыше-

нии, подобно храму. От него в стороны расходились крытые галереи, соединяющие его с флигелями. Слева, за садом, виднелись красные кирпичные стены конюшен, справа — приземистые строения хозяйственного двора. Даже отсюда, с высоты второго этажа, Настя различала дым, вьющийся над кузницей. Жизнь в имении кипела, но совсем иная — замкнутая, независимая от губернского города.

Внизу, прямо под окном, разрослась клумба, где беспорядочно, совсем «не по-благородному», цвели мальвы. Высокие, стройные, они стояли рядами, как гвардейцы в розовых и лиловых мундирах. Крупные цветы тянулись к солнцу, и в их спокойной красоте было что-то успокаивающее, почти домашнее, несмотря на размах поместья.

Настя оперлась локтями о подоконник. Взгляд её скользнул дальше, за пределы усадебного парка. Там, в низине, серебристой лентой извивалась река. Вода блестела на солнце, манила прохладой, но у Насти сжалось сердце. Вчера Наташенька шепнула, что её подругу русалки утащили и стала она теперь русалка — по ночам расчёсывает волосы ивовым гребнем, сидя на ветвях. Неужели там она и утонула, в реке? Нет, вроде про пруд говорили.

— Глупости, — прошептала Настя, но голос её прозвучал неуверенно в тишине комнаты.

Она не верила в шалости мифических существ. Смерть не пахнет волшебством, она пахнет грехом и жестокостью. Именно здесь, в этом заповедном месте, где время словно

застыло в янтаре лета, эти мысли особенно пугали.

Внизу, на гравийной дорожке, появилась баба с большой лейкой. Она медленно поливала клумбы; вода, падая на цветы, сверкала россыпью бриллиантов. Тишина стояла такая, что слышно было, как льётся вода и где-то рядом жужжит шмель, запутавшийся в чашечке мальвы. Казалось, усадьба спит, оградив себя от внешнего мира высокими заборами и густыми липовыми и дубовыми аллеями. Но Настя знала: тишина старых поместий обманчива. Стены имеют уши, а старые грехи, как и старые деревья, пускают корни глубоко.

Она провела рукой по раме. Дерево было гладким, отполированным поколениями ладоней. Её мать жила в этой комнате. Смеялась, плакала, смотрела в то же окно, ожидая сватов или вестей из города. Настя вдруг остро почувствовала своё сиротство. Не то, что осталось после смерти родителей и трагической гибели брата, а более глубокое, родовое. Она была здесь чужой и своей одновременно. Княжеская кровь звала её остаться, раствориться в этой красоте, забыть о счетах и долгах. Но кровь купца, закалённая в горниле выживания, требовала быть начеку.

Правильно ли поступила мать, обучив детей всему, чему учили и её саму? Настя читала взахлёб, прекрасно играла на рояле, танцевала. Но дочь купца не могла войти в светское общество, а дочь княжны, воспитанная в дворянских традициях, не смогла стать своей среди купеческого сословия. А тем более сейчас, когда она, к удивлению всего города, суме-

ла взять дело в свои руки и продолжить успешную торговлю вином. И какое общество примет «виноторговку»?

Матушка была высокая, статная, имела, как все Засекины, прекрасный цвет лица — только немного бледный. Поэтому по тогдашнему обычаю она румянилась: ведь не нарумянившись куда-нибудь приехать значило бы сделать невежество. Отец провожал её взглядом и вздыхал: «Ваша матушка смолоду была писаная красавица».

Она ввела порядки, к которым привыкла с детства, а отец не возражал, позволяя любимой супруге вести дом так, как ей хочется. Дети не смели прийти, когда вздумается, а приходили поутру поздороваться, к обеду, к чаю и к ужину — или когда позовут за чем-нибудь. Им не разрешалось говорить «за что вы на меня сердитесь»; говорили «за что вы изволите гневаться» или «чем я вас прогневала». Не говорили «это вы мне подарили» — это было нескладно, следовало сказать «это вы мне пожаловали, это ваше жалование». Даже чай пили не по-купечески, из блюдца, а по-светски — из чашек. Правда, купеческая традиция пить чай трижды в день прижилась и в их доме.

В коридоре слышались шаги. Тихие, скользящие. Кто-то нёс поднос. Звякнуло фарфором.

Настя отступила от окна. Нужно было привести себя в порядок. Дядя, князь, ждал её к завтраку. Надо обсудить Наташу — её вывоз в свет, покупку нарядов.

Она подошла к зеркалу. Отражение показало молодую

женщину в строгом платье, с серьёзным взглядом, но совсем не купчиху, а юную, вновь растерянную барышню, которая не так давно обращалась к городским извозчикам на «вы», приводя их в замешательство.

В этом интерьере, среди позолоты и теней, она растеряла всё, что приобрела за последние полтора года.

«Значит, повезём Наташу в Серафимовск».

— Серафимовск, — произнесла она вслух имя родного города, словно проверяя звучание.

Слово повисло в воздухе и растворилось, впитанное толстыми стенами. Дом молчал. Он принял её, но не спешил открывать свои тайны.

За окном продолжало петь лето, беззаботное и жаркое, но Настя знала: стоит ступить за порог, в тень липовых аллей, и тишина станет звонкой, как натянутая струна.

Она поправила воротник, глубоко вздохнула, набираясь сил, и вышла из комнаты. Впереди был длинный коридор, паркет, скрипящий под ногами, и встреча с прошлым, которое показалось куда непонятнее, чем будущее.

Письмо в красивом конверте принесла тем утром Аграфена. Сердце ёкнуло, когда Настя увидела имя князей Засекиных и адрес усадьбы возле Богородицка — в полусотне вёрст от Серафимовска.

Она так и не решилась известить родственников о смерти брата, а тут — вдруг — письмо.

Дядюшка, нынешний князь Засекин (она так никогда и не встретила с дедом, старым князем), с супругою княгиней Пелагеей сетовали, что семейное общение прервалось, и надеялись, что Анастасия Васильевна Мичурина примет их приглашение провести пару недель в фамильной усадьбе. Настя, может, и не приняла бы, да очень захотелось увидеть место, где родилась и выросла её мать.

До знаменитой серафимовской ярмарки оставалось больше месяца. Повседневная жизнь конторы находилась в надёжных руках управляющих, которых нанял и которым всецело доверял брат, а теперь и она сама. А те знали: ежели что, гнева главного купца-благотворителя не избежать. Взял он худенькую, юную и бесстрашную купчиху под своё покровительство — значит, можно не беспокоиться. Кто ж против Блинова пойдёт в здравом уме!

Личная жизнь закончилась, не начавшись: не по зубам была купчиха Мичурина своим собратьям по сословию, а дворяне на неё не взглянут. Вот если бы серые глаза некоего князя остановились на ней да задержались... Но Настя прекрасно понимала, что этому не бывать — не ровня ему купеческая дочка, хоть и княжеская внучка. Да и во сне порой приходили другие глаза, тёмные, умные, понимающие...

«Чур меня, чур», — говорила тогда Настя. И проговаривала слова, выученные от Глафиры: «Иосиф Прекрасный, забери мой сон напрасный!»

Вот и собралась, и поехала. Целый день ехала, но не пото-

му, что карета двигалась медленно. Просто до села Доскино тракт находился в более-менее нормальном состоянии и регулярно ремонтировался, а далее, как только начинался Горбатовский уезд, можно было вешать табличку «дорог нет».

Вся дорога была перегорожена «промывинами», местами превратившимися в овраги, изрыта огромными колеями и ямами. На протяжении пятнадцати вёрст повозки постоянно застревали, съезжали в кювет и тонули в лужах. Бывало, что обессилевшие лошади просто отказывались двигаться, и возницам приходилось отдыхать и ночевать в придорожных деревнях Шумилово, Банникове, Берёзовке.

Всё потому, что на протяжении сорока лет тракт на этом участке ни разу не ремонтировался, а местные земские власти в ответ на претензии просто выворачивали карманы. Газетчики винили во всём невероятно жадных богородицких промышленников и купцов, которые возводили себе роскошные дома, но ни копейки не давали на ремонт дорог. Не то что серафимовские купцы — настоящие отцы города. А вот бедные крестьяне охотнее скидывались на благоустройство, поэтому крестьянские улицы на Богородичине были более «удобопроездными», чем дороги возле владельческих усадеб.

Княжеская карета, конечно, легче прошла бы колдобины и рытвины, но как объехать, если повозки еле тащатся, а иные и застряли намертво?

Наконец дорога пошла веселее; в одном месте даже коло-

кольный звон за холмами почудился.

— Пустынь это, — пояснила присланная за Настей горничная княгини (ибо не пристало женщине одной путешествовать). — Оранской зовут. Говорят, красиво там, но господа туда не ездят, они всё в Амвросиев на моление. Колокольня там, ух красивая!

А потом открылся такой вид, что Настя не удержалась, заколотила в стенку, приказала кучеру остановиться.

Внизу под холмом раскинулось озеро. Оно лежало широкой чашей, дальше сужалось и уходило в лес уже рекой. Но не в озере дело, а в острове на самой середине, где среди высоких дубов белели храмы и колокольня. Над водой стояла полуденная дымка, отчего остров и монастырь казались нереальными — словно вот-вот растает мираж вместе с дымкой.

Настя даже глаза протёрла и рукой перед лицом провела, чуть не ущипнула себя: не мерещится ли.

— А это Островоезерская обитель, — важным тоном изрекла горничная. — Князьям Черкесским земля тут принадлежит.

— Черкесским? Из Черкесии, что ли?

— Фамилия такая у их сиятельства, а откуда — не знаю. Говорят, от этих... от султанов произошли. Нехристи вроде, а монастырь вон какой отстроили. Царский.

Ноги размяли — пора было и в путь, тем более что осталось совсем недолго.

Родовое поместье Засекиных Настю ошеломило. Не ожидала она увидеть такую усадьбу, а вернее, настоящий дворец. Но глянула хозяйским купеческим взглядом: то тут трещина на стене, то там ворота покраски требуют, а церковь домовую и вовсе закрыли. Вон оно что... Обретённые родственники явно на капиталы купеческие нацелились.

Так оно и оказалось.

Князь Константин Петрович и супруга его Пелагея Дмитриевна встретили племянницу радушно, правда, скользило в глазах княгини некоторое превосходство. И хотя сразу стало ясно, что Настя нужна им больше, чем дядюшкина семья Насте, ощущение самозванства не проходило, и девушка очень на себя злилась.

А вот кухня, Наташенька, ей очень понравилась. Понятно, почему не повезут девицу на выданье в столицу или в Москву — на это деньги нужны немалые, а Наташа далеко не красавица, если без особого приданого чисто внешностью брать. Но мила, жива, умна. Возможно, и матушка такой была, и, глядя на Наташеньку, видит Настя сейчас свою мать в юности.

К осени и зиме решила семья переехать в Серафимовск — визиты наносить, девицу показывать. Даже в Петербурге не устраивали чего-то вроде балов дебютанток, а в провинции о таком вообще не слыхивали. Поэтому надо в городе остановиться, снять дом — приличный, по положению, но не

слишком дорогой, — гостей звать и самим визиты наносить.

В Серафимовске вполне можно найти подходящую пару Наташеньке, а в здешней глуши никого и нет.

Правда, за чайными беседами выяснилось, что имеется ещё две причины для отъезда. Во-первых, Наташеньке оказывает знаки внимания местный учитель, и хоть встречи эти родители не поощряют, как бы беды не было. А вторая причина...

Все в округе знали, как неразлучны были две подруги — Наталья Засекина и Софья Мелецкая. Но два года назад Софья утонула ночью в пруду возле усадьбы Мелецких. Что её понесло ночью в лес, никто не знает, и разговоры пошли. И про любовника, с которым барышня бежать собиралась, и про то, что озеро нечистое. В общем, подальше надо Наталью от этих разговоров увезти.

Ну, а с хорошими портными, модистками, тканями и прочим Анастасия Васильевна поможет, не оставит кухню без дружеского и родственного участия. Скептический взгляд на простое платье Насти не оставлял сомнений, что если бы были откуда деньги на наряды брать, к кухне бы не обратились.

За три дня, что уже гостила Настя в усадьбе, они очень сблизилась с Наташей. Во время прогулки по саду девушка и шепнула обрётённой сестрице, что подруга её утопшая теперь русалка.

«И правда, с чего девице четырнадцати лет в лес ночью отправляться, кабы не друг сердечный?» — задумалась На-

стя. Но Наталья стояла на своём — не было никакого друга.

Загадки купчиха Мичурина любила... может, и эту удастся разгадать?

Глава 4.

Первая из приглашённых гостей прибыла незадолго до полудня. Княгиня занимался важнейшим делом - обсуждала меню на кухне, поэтому Настя вместе с Наташей приветствовали помещицу Черкасову, её дочь Серафиму и подругу дочери — какую-то дальнюю родственницу Черкасовых.

— Где Пелагея? — властно спросила помещица, когда лакей помог ей выйти из кареты.

Насте потребовалось мгновение, чтобы понять, что речь о княгине. Никто при ней не называл жену дяди просто по имени, даже он сам.

— Матушка занята приготовлениями к обеду, — мило улыбнулась Наташа, видимо привыкшая к манерам Черкасовой. — Она попросила нас убедиться, что вам удобно расположиться. А это моя кухня, Анастасия.

— Правда? — Брови помещицы поднялись, разглаживая морщины на лбу, где жемчужная пудра была использована чрезмерно.

Из уст одной из молодых барышень, сошедших следом, раздался заинтересованный возглас. Они были примерно одного роста, но в остальном совершенно разные.

Темноволосая — Серафима, трудно спутать миниатюрную копию Черкасовой с кем-то другим. Главное — без пудры. Одежда сшита безупречно и соответствовала последним

модным тенденциям, хотя в тени своей властной матери девушка, казалось, съёживалась.

А вот наряд её подруги явно был перешит, хотя её несколько надменная манера поведения не позволяла никому это заметить. Светлые волосы и большие голубые глаза, несомненно, привлекли бы внимание многих кавалеров.

Настя порадовалась, что взяла с собой несколько приличных нарядов: иначе её непременно приняли бы за горничную.

Именно вторая барышня выразила интерес. Она без стеснения рассматривала Анастасию, явно определяя, появилась ли новая соперница. У девушки сжался желудок. Она не привыкла привлекать к себе внимание, ей это не нравилось. Осознание того, что в ближайшие дни придётся подвергаться ещё большему вниманию, нисколько не облегчало ситуацию.

— Ваши обычные комнаты подготовлены, — сказала Наташа. — И комната в гостевом крыле — для Милены Бояновны.

«Так вот как зовут эту девицу. Странное имечко».

— Надеюсь, не Голубая комната, — резко ответила Черкасова. — Дымоходы продуваются. Я сто раз говорила Пеллагею, что следует хорошенько осмотреть эту комнату. Она не обновлялась со времён её свёкра, и это заметно.

— Павлинья комната, — быстро сказала Наташа, когда Черкасова остановилась перевести дыхание.

— Хм. Полагаю, это нормально. Так она что-нибудь при-

думала насчёт Голубой комнаты?

— Не могу сказать.

— Да, полагаю, ты не можешь. О чём думает твоя мать, Натали, если ты совершенно не приспособлена к хозяйству? Хорошо. Мы выпьем чаю в галерее, когда освежимся.

— Матушка накрыла чай в гостиной.

Настя развеселилась: интересно будет посмотреть на общение княгини с гостьей, это явно обещало быть увлекательным.

Помещица фыркнула:

— Вполне в духе Пелагеи — не обращать внимания на детали. В это время суток в комнате много солнца. Мы выпьем чай в галерее. Это даст Серафиме возможность показать своей подруге семейные портреты, если больше здесь нечего смотреть.

Не говоря ни слова, она направилась к дому. Серафима испуганным, извиняющимся взглядом посмотрела на девушек, а вот Милена улыбнулась весьма загадочной улыбкой, от которой Насте почему-то стало не по себе.

Завершив дела с кухаркой, княгиня была готова встретить следующую прибывшую — овдовевшую племянницу какого-то местного помещика. А девушки провели спокойный час в библиотеке в компании местного дворянина, который явно предпочитал тишину пустой болтовне.

Гости прибывали один за другим, и Настя устала вежливо улыбаться. Вот, вроде, все собрались, но оставалось ощущение

ние, что ждали кого-то ещё. Дамы бросали заинтересованные взгляды на дверь и прислушивались к цокоту копыт на подъездной дорожке.

— Мама, мы ждём кого-то ещё? — спросила Наташа.

Княгиня кивнула:

— Меня утром известили о прибытии в город важной особы из Серафимовска. Конечно, я сразу пригласила князя к нам на ужин. Тебе придётся постараться, Натали. Видишь, все хищницы уже встали в стойку. Князь Гагарин — очень выгодная партия. Я посажу его с тобой. Надеюсь, всё получится и в Серафимовске вы продолжите общение. Теперь он обязан пригласить нас с ответным визитом.

Настя не слышала этого разговора — она оказалась ближе всех к дверям и сразу вышла встречать запаздывающих гостей.

Девушка долго мечтала о встрече, но за полтора года с прошлого происшествия они ни разу не столкнулись даже случайно. Собственно, и не должны были — слишком в разных кругах они вращались, но, в конце концов, князь мог бы... Сейчас она просто стояла столбом, не зная, что говорить: признаваться ли в знакомстве или сделать вид, что они встретились впервые... Боже, ну как же это так получилось, почему он здесь?

Сердце замерло, когда Гагарин, наклонив голову, чтобы пройти через дверцу экипажа, спрыгнул вниз. Выпрямившись и стряхнув дорожную пыль с лацкана безупречного

фрака, он поднял глаза — и их взгляды встретились.

На самом деле, она знала его всего несколько недель. С тех пор они провели порознь больше времени, чем вместе. И всё же она почувствовала неожиданное облегчение.

Глаза князя расширились.

— Настя? — Он запнулся. — То есть... госпожа Мичурина.

— Не стоит быть формальным из-за моего присутствия, — рассмеялся человек в тёмном костюме, вышедший из экипажа следом за князем. — В конце концов мы трое немного... соучастники в некоторых событиях, не так ли?

Настя невольно расплылась в улыбке. Это слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Она хотела спросить, что они оба здесь делают, но её уже отодвигали в сторону: князь и княгиня Засекины вышли встречать важного гостя.

— Мы последние? — осведомился иеромонах Филарет. — Надеюсь, мы не заставили вас ждать.

— До обеда ещё есть время освежиться с дороги. Мужчины в бильярдной. Я представлю вас гостям, а затем разнесут напитки. Ваше сиятельство, ваше преподобие... благодарю, что приняли наше приглашение.

— Отлично, — сказал Гагарин. — Мы освежимся с дороги и присоединимся к гостям.

Он последовал за хозяевами в дом, и Настя на несколько мгновений осталась у входа наедине с иеромонахом.

— Как прошла ваша поездка?

— Как поживаете?

Они произнесли эти слова одновременно и рассмеялись.

— Дорога долгая. И грязная. Ничего нового под луной.

Как вы поживаете, Анастасия Васильевна?

— Я поживаю... странно. Но нам пора внутрь.

Лакей проводил их в холл, но прежде чем пройти в библиотеку к остальным гостям, Филарет придержал девушку за руку.

— Я подумал, может быть, мы могли бы выкроить минутку-другую, чтобы поговорить без слуг или других гостей. Есть здесь такое место?

Настя одновременно надеялась на эту возможность и боялась её. Но честно ответила:

— Я бы хотела. Здесь есть небольшая курительная комната. Пока мужчины в бильярдной... это вон там, тёмная дверь направо.

Гагарин и Филарет появились через пару минут после девушки. Сели в кресла напротив дивана.

Они внимательно рассматривали Настю, девушка отвечала тем же. Совсем такие, как она помнила. Оба высокие, широкоплечие. Только один — русоволосый и всегда слегка растрёпанный, отчего выглядит моложе. Второй — темно-волосый, с глубокими карими глазами и необъяснимой словami аурой... Любая женщина посчитает его красавцем, но поостережётся флиртовать. Он словно... не в этом мире. Но как же она рада, как же рада!

— Значит, вы приехали в гости в дом детства вашей матери... Как вам дом?

— Мне очень нравится. Он практически идеален. В саду и в лесу вокруг можно заблудиться — я, кстати, уже терялась. Дважды.

— А ваши родственники?

— Княгиня — идеальная хозяйка, — мило улыбнулась Настя.

— Вас привлекли к организации бала?

— Конечно, нет. Я не та родственница, которой можно гордиться в таком обществе. Но да, меня представляют гостям.

— Хорошо. Вы бы сказали нам, если бы что-то пошло не так? Если бы вы... что-то услышали или вам понадобилась помощь?

Мужчины смотрели на неё так внимательно, что она смущалась.

— Что-то случилось, правда? Это не светский визит?

— Ничего такого, что могло бы касаться этой семьи, но действительно случилось. — Гагарин быстро, в смягчённых деталях, рассказал о происшествии. — Если что-то произойдёт... если вам понадобится помощь...

— Я буду знать, к кому обратиться, — улыбнулась Настя.

— Моя кузина, Наташа, рассказывала мне о гибели своей подруги.

— Не вздумайте ничего предпринимать. Договорились?

— Гагарин встал. Он ещё мгновение внимательно рассматривал её, прежде чем с вздохом сказать: — Меня наверняка уже хватились, и нехорошо, если нас найдут здесь втроём.

— Я же сказал: соучастники. И заговорщики. — Рассмеялся Филарет. — И я присоединяюсь к просьбе князя. Будьте осторожны, Анастасия Васильевна. Пока мы не знаем, с чем или с кем имеем дело... И вы всегда можете послать записку для меня в Амвросиев монастырь, если вам что-то понадобится.

* * *

Гагарин в отведённой ему комнате быстро привёл себя в порядок. Путь от Богородицка короток, но дорожная пыль успела осесть на лацканах фрака, а ветер растрепал волосы. Впрочем, сколько их ни приглаживай — долго в порядке не продержатся.

Поправляя манжеты, он прокручивал в голове встречу с Анастасией Мичуриной. Павел был удивлён, увидев её на мраморных ступенях. Узнав, что приглашение поступило от князей Засекиных, он не вспомнил о родстве девушки с этой провинциальной фамилией. При первой встрече Настя удивила его своими манерами; затем он узнал, что она не только купеческая дочка, но и дочь княжны. Но знакомство оказалось недолгим: они не виделись года полтора, и встреча застала его врасплох своей неожиданностью.

Конечно, он помнил Анастасию и почти не шутил, говоря Филарету о фиалковых глазах, способных растопить любое

сердце. Тем не менее, вспоминая девушку, он всегда считал, что преувеличивает её привлекательность. Она лишь казалась более очаровательной, более умной, чем была на самом деле. Но в тот момент, когда Гагарин увидел её, он понял, что ошибался. Она такая и есть, и в памяти он скорее недооценивал хрупкую, порывистую Настю — абсолютно не похожую на купчиху, но ещё менее — на княжну. В том и была особая привлекательность Анастасии: она ни на кого не похожа.

Князь прекрасно понимал, для чего приглашён в этот дом и для чего местные семьи с дочерьми на выданье явились на званый ужин. Матушка была бы в своей стихии и наслаждалась, видя, как провинциальные девицы строят глазки её сыну, хотя в душе давно сосватала за него дочь старинной подруги — княгини Долгоруковой.

Спустившись по лестнице, он вежливо поклонился хозяйке поместья.

— Как прошла поездка из Серафимовска? Мне каждый раз кажется, что проходит вечность, пока мы добираемся до города.

— Благодарю. Поездка прошла без происшествий.

Княгиня Засекина провела его в длинный холл, где несколько предков семьи её мужа были увековечены на портретах. По всему дому горели свечи, и казалось, что они отбрасывают на картины зловещие тени.

«Если бы уважаемая княгиня знала, почему мы с такой

лёгкостью приняли её приглашение... И, возможно, придётся ещё не раз навестить этот дом».

— Я пригласила лучшие семьи нашей округи, хотела, чтобы вы познакомились с ними поближе... Не каждый раз нам выпадает честь принимать у себя представителя известнейшей семьи Серафимовска, да ещё занимающего важный пост при его превосходительстве. — Тут княгиня не удержалась: слишком сильно распирала её надежда на будущее. — Мы намерены провести осень и зиму в Серафимовске, и я очень надеюсь, что у нас будет возможность продолжить наше знакомство.

Князь вежливо кивнул.

— Я бы не хотела, чтобы вам слишком докучала Мария Васильевна Черкасова... это наша соседка из поместья неподалёку. Она приехала с дочерью Серафимой, и я позволила привезти подругу — Милену. Девушка из сербской семьи, но недостаточно родовитой для общения с петербургскими родственниками...

Так потихоньку Пелагея Дмитриевна проехала по всем незамужним девицам, присутствующим в поместье, усиленно создавая впечатление, что внимания заслуживает лишь её собственная дочь. Интересно, что сказала бы она об Анастасии Мичуриной, задай Гагарин этот вопрос?

* * *

Настя несколько минут стояла в холле перед гостиной, готовясь к тому, что должно было произойти. Она знала: как

только переступит порог, окажется на виду. Экзотическая птичка, купчиха, затесавшаяся в стройные ряды провинциальной знати благодаря родству с Засекиными. Люди будут наблюдать за ней, проверяя, соответствует ли она их ожиданиям с её несчастьями и богатством, разберут по ниточке её наряд.

По крайней мере, она могла быть уверена, что, как бы ни чувствовала себя внутри, выглядит хорошо. На ней было новое платье, сшитое специально для важных случаев. Бордовое шелковое тафтовое платье с золотой отделкой, чудом взятое с собой, — ведь такого пафоса и такого размаха от семьи, где к старому титулу уже не прилагаются деньги, она не ожидала. И не дай Бог даже взглядом встретиться с Гагариным: этот взгляд сразу заметят и оценят, и осудят, и придумают то, чего нет и в помине.

Барышня Серафима Черкасова показалась очень милой, но напуганной, забитой властной, бесцеремонной матерью. Она испуганно улыбнулась и предположила, что они с Анастасией обязательно станут хорошими знакомыми. Говорила она высоким, манерным голосом — видимо, подобных манер требовала мать.

А вот Милена Бояновна... эта своего не упустит. Интересно, зачем Черкасова притащила в гости подружку дочери, которая обставит эту дочь в два счёта на любом светском мероприятии?

— Я думаю, мы подружмся. Как бы я ни любила свою

двоюродную тётю, я привыкла сама решать, кто приятен в общении, а кто нет. — Светловолосая красавица высокомерно вскинула голову, но тут же мягко улыбнулась и доверительно добавила: — Поверьте, в наших краях не так много интересных людей для общения, тем более настолько интересных. Вы обязательно должны рассказать, как вам удаётся управляться с делами без помощи мужчин... самостоятельная женщина в наше время — это так необычно!

Вот и думай: комплимент сказан или пренебрежение высказано.

* * *

Обеденный зал в усадьбе Засекиных напоминал скорее тронный зал, чем место для семейной трапезы. Высокие окна выходили в сад, пропуская косые лучи послеполуденного солнца, игравшие на гранёном хрустале и серебряных приборах.

Длинный стол, покрытый белоснежной скатертью, казался бесконечным. На одном конце восседал дядя, князь Засекин — человек крупный и громогласный, полная противоположность сестре, Настиней матери. На другом — его супруга, княгиня, женщина строгая и высокомерная, чьи глаза внимательно следили за тем, чтобы ни одна тарелка не осталась пустой.

Настя сидела рядом с Наташей. Девушка была бледна, тербила салфетку и старалась не поднимать глаз. По правую руку от Насти расположился князь Гагарин, сохраняя невоз-

мутимость чиновника и прожжённого светского льва даже перед лицом кулинарного изобилия. Рядом с ним — иеромонах Филарет. Отец Филарет смотрел на яства спокойно, будто готовясь к посту, а не к пиру.

— В нашем доме голодать не принято, — прогремел князь, приказывая разливать суп. — Начинаем с первого.

Обед в усадьбе строго следовал старинным правилам и ограничивался четырьмя переменаами блюд, но каждая перемена была достойна отдельного описания в поваренной книге.

Первым подали суп — густой, наваристый, пахнувший копчёностями и травами. Но суп был лишь прелюдией. Сразу за ним, не убирая тарелок, внесли холодное. На выбор предлагалось несколько блюд; Настя осторожно положила на свою тарелку ломтик студня. Мясо дрожало на фарфоре, окружённое сметаной и тёртым хреном, от которого слезы наверчивались на глаза.

— Пробуйте, господа, пробуйте! — гремел Засекин, накладывая себе на тарелку здоровенные ломти буженины.

Настя чувствовала себя ребёнком, которого кормят через силу. Она привыкла к быстрым перекусам в конторе, к чаю с пирогами Глафиры. Здесь же еда казалась наказанием — тяжёлым и неумолимым.

Вторая перемена была посвящена рыбе. Благо, большая река и многочисленные озера обильно снабжали барские столы, и Засекины не скупились. На столе появилась стер-

лядь, приготовленная так, что мясо едва касалось костей, и осетрина. Гарниром служили варёные раки — красные и блестящие, словно лакированные.

— Главное в рыбе — свежесть, — заметила помещица Черкасова, аккуратно отделяя кусок стерляди. — Истинные гурманы утверждают: рыбу надо готовить тогда, когда гости уже едят суп.

— Наши пруды богаты рыбой, — прогремел князь. — У соседа, Мелецкого, в запруде раки были хороши.

Наступила неловкая тишина. Имя Мелецкого в обществе старались не упоминать, особенно в связи с прудами. Молчание повисло в воздухе.

— Икры, икры, господа, — вмешалась княгиня, спасая ситуацию.

Настя посмотрела на икру. Она не считалась особенным деликатесом, стояла как закуска в хрустальных икорницах рядом с солёными лимонами.

Третью перемену блюд составляли кушанья горячие. Пахло жареным луком и черносливом. Лакеи внесли утку под рыжиками и телячью голову с изюмом. Настя почувствовала, как тяжелеют веки. Сытость накатывала волной, но отказать хозяйке, которая подкладывает вам на тарелку ещё кусочек, ещё один и ещё, было невозможно. Это граничило с оскорблением дома, тем более что остальные ели и нахваливали — и непонятно, куда это всё влезало.

Филарет ел мало, но с видимым уважением к труду пова-

ров. Гагарин же поддерживал светскую беседу, говоря о дорогах и урожае. Разговоры вертелись возле ярмарки; тут слово дали даже Анастасии.

Немудрено: ярмарка всегда была главным событием в губернии. Если в Серафимовске проживало не больше восемнадцати тысяч человек, то на ярмарку приезжало сто пятьдесят тысяч гостей, и торговля шла на десятки миллионов серебром.

Настя вежливо отвечала на вопросы, и хотя большинство по-прежнему посматривало на неё высокомерно, ей показалось, что в голосе некоторых гостей даже слышалось уважение.

Четвёртая перемена стала испытанием на прочность. На столе появилась жареная дичь: рябчики, куропатки, индейки. Кожа птиц блестела от жира, гарниром служили солёные огурцы, маслины и яблоки, пропитанные рассолом. Впрочем, вместе с дичью на столе появились и жареный осётр со сметками, и бараний бок с гречневой кашей.

Изобилие поражало воображение. Но Настя, не в силах съесть больше ни крошки, думала о том, что рассказали ей князь с иеромонахом. Они сидят за столами, ломящимися от яств, а совсем неподалёку — не больше двух-трёх вёрст — кто-то вбил лезвие косы в грудь несчастной девушки... Деревенских кузнецов уже всех обошли, и если замки изготовили в кузнице поместья... нет, не хотелось даже думать, что кто-то из семьи Засекиных мог быть причастен к смерти

девушки. Кузнец... Но тогда совсем рядом стучит молотом убийца.

Она пообещала не вмешиваться, но ведь есть другая загадка, которую она попытается разгадать. Загадка Софьи Мелецкой...

Настя очнулась, услышав обращённый к ней вопрос.

Речь за столом зашла о новой кофейне. В то время в Серафимовске не было ни одной книжной лавки. Желающие приобрести книгу или журнал отправлялись в аптекарско-парфюмерный магазин на Покровской, который принадлежал казанскому татарину Пендрину. В глубине магазина, за прилавками с корсетами, одеколоном, мозольным пластырем и персидским порошком, скромно стояли несколько полок с печатными изданиями. Совсем недавно в городе появилась кофейня кондитера Кемарского. В задней части помещения стояли книжные шкафы, где к услугам посетителей находилось более двух тысяч книг и журналов. Если посетитель брал кофе, чай с лимоном или венские вафли, чтение было бесплатным, а за вынос книги и чтение дома приходилось вносить абонентскую плату.

Настя извинилась, что не может поделиться впечатлениями — в кофейне пока не побывала. Её выручил Гагарин, который красочно и со вкусом описал и сладости, и прекрасный чай, и возможность пролистать самый новый и модный журнал.

— Вы ничего не едите, племянница, — прогромыхал За-

секин. — Силы нужны, дела семейные хлопотны! А у нас впереди... — и умолк под грозным взглядом супруги.

Все тут же перешли на обсуждение будущего осеннего и зимнего сезона — визитов и балов, хотя до осени ещё палкой не докинешь.

Под грозным взглядом родственника Настя взяла вилку, уколола кусок яблока. Кисло-солёный вкус взорвался во рту, отрезвляя, уводя от мыслей о Софье.

Наконец все вышли из-за стола. Впереди ждал ужин; нужно было прогуляться, чтобы появился аппетит. Солнце клонилось к закату, лес темнел, от воды потянуло свежестью, и зазвенели в воздухе комары. Это не отпугнуло гостей, отправившихся прогуливаться вдоль реки и пить шампанское в деревянной беседке у воды.

— Госпожа Мичурина, — поклонился Гагарин.

— Ваше сиятельство, — кивнула девушка, чувствуя полдюжины глаз, устремлённых на них двоих. — Надеюсь, у вас всё хорошо.

— Вполне, вполне, госпожа Мичурина. Могу я узнать о вашем здоровье? — Гагарин говорил вежливым, безразличным голосом, но в его глазах мелькала искра, и он еле сдерживал улыбку.

Настя тоже с трудом сдержала внезапный, непреодолимый смех. Ей казалось, что они с князем участвуют в пьесе, а зрители смотрят, не отрываясь, хотя делают вид, что им совершенно не интересно.

Засекин спас её: подхватил Гагарина под руку и повёл куда-то в сторону.

— Я вижу в ваших глазах облегчение? — Филарет тоже еле скрывал улыбку. — Или это лишь мое отражение? Восхитительно чувствовать себя заговорщиками, не правда ли?

Настя бросила на него укоризненный взгляд. Иеромонах пожал плечами.

— Не волнуйтесь, Анастасия Васильевна. Дама справа от вас глуха на оба уха, а тот господин, что уставился на нас, так занудлив, что может думать и говорить только о своём и не понимает ни слова из нашего разговора. Вечер становится невероятно скучным. На месте Засекиных я придумал бы какое-нибудь состязание — вроде стрельбы по тарелочкам или скачек. Даже нашего друга князя Гагарина не хватит, чтобы оживить обстановку, — все слишком объелись. Полагаю, здесь есть прекрасный сад или парк для прогулок.

Настя кивнула, но последние слова иеромонаха услышала Наташа.

— Здесь прекрасный сад, но самые красивые места — по дороге в усадьбу Мелецких. Несколько озёр, мостики... — Она тут же смутилась, вспомнив о запретной теме. — Но я не была там уже два года.

— Думаю, никто не хватится нас в ближайший час, и мы можем прогуляться. Что скажете, барышни?

— Но там... говорят, что там водятся...

— Русалки. Я помню. Но так как я лицо духовное, думаю, мы можем не опасаться встречи с этими водяными существами.

— О, они совсем не водяные! — раскраснелась Наташа.
— Вернее, водяные, но не любят проточную воду.

— Вот как?

— Проточная вода не для них. Они живут в озёрах и прудах. И хвоста у них нет! Обычные бледненькие девушки, только... неживые. Ночью при луне они водят хороводы и качаются на ветвях.

— До ночи далеко. Так вы составите мне компанию? Прогуляемся? Нужно хорошенько пройтись, иначе придётся сказаться больным, чтобы избежать ужина, а это расстроит вашу матушку, Наталья Константиновна.

Настя давно сгорала от нетерпения: так хотелось посмотреть на усадьбу Мелецких. Как же все эти неспешные обеды и прогулки ей не подходят... хочется убежать, завопить от скуки... Прошлое трагическое происшествие открыло в тихой воспитанной барышне такие страсти и такое любопытство, каких она и сама в себе не подозревала. Но тогда она хотела отыскать убийцу брата. А сейчас? Неужели ей так не хватает приключений?

Вдвоём они быстро уговорили Наташеньку, да и той самой хотелось посмотреть на усадьбу.

Глава 5.

По мере того как смех за спиной стихал, а дорога всё глубже уходила в лес, энтузиазм Наташи таял с каждым шагом.

Да и Настя чувствовала нарастающую неуверенность.

«Дело в том, — сказала она себе, — что я абсолютно городской житель. Загородная жизнь привлекает меня из окна: когда светит солнце, сверкает вода в реке, поют птицы. А когда вокруг смыкается лес и близки сумерки, любой почувствует себя неуверенно».

Чем дальше они уходили от благополучных владений Засекиных, тем гуще становилась тень. Впереди твёрдой поступью шагал иеромонах Филарет. За ним — Наташа, нервно кутавшаяся в шаль. Замыкала шествие Настя.

Лес вокруг стоял стеной. Старые ели сплелись ветвями так плотно, что небо превратилось в узкую серую щель — бледный разрез на тёмной плоти леса. Свет угасал быстро, словно кто-то невидимый задувал свечу за свечой по мере их продвижения. Сначала погасли дальние просветы между стволами, потом пропали блики на стволах и остался только густой, почти осязаемый сумрак, который клубился у корней и тянулся к ногам.

И с каждым шагом в душе Насти поднималось древнее, липкое чувство страха. Это был не страх перед преступником или разбойником, или чем-то еще, что можно увидеть,

назвать и понять. Это было нечто глубокое, идущее из той части сознания, где ещё не родились слова. Так, наверное, чувствовали себя предки тысячи лет назад, сидя у костра и вслушиваясь в шорохи темноты, зная наверняка: за пределами круга света живут чудовища. Лес дышал. Он скрипел, стонал, вздыхал. Каждая тень за стволом казалась живой, каждая могла в любой момент обрести форму и шагнуть навстречу.

— Не бойтесь, — голос Филарета прозвучал ровно, без единой нотки напряжения, словно они шли не по мрачному тракту, а по аллее монастыря. — В этих местах тихо. И благодать Божия нас не оставит.

Наташа вздрогнула и вцепилась в руку Насти — не взяла под руку, а именно вцепилась, пальцами, до боли.

— Я не была здесь с того дня, как... теперь всё по-другому. Как будто я не узнаю этих мест...

— Другой дороги здесь нет.

— Я не говорю, что мы заблудились. Просто... всё стало другим. Как будто... из этого места ушла жизнь.

Наташа говорила, не умолкая, словно отгоняла страх словами, заливая тишину девичьей болтовнёй, как светом. Но от звука тоненького голоса в вечернем лесу становилось ещё больше не по себе. Слишком хрупким был этот голос для такой темноты. Слишком испуганным.

— Соня любила гулять в сумерках, — продолжала Наташа, и голос её сорвался на шёпот. — Плела венки и бросала

в воду. Говорила — подарок русалкам. А теперь люди говорят, что она...

— Люди много чего говорят, — оборвала её Настя, стараясь говорить уверенно, но собственный голос показался ей чужим — тонким и неестественным в этой тяжёлой, сырой тишине.

Её взгляд скользнул по широкой спине иеромонаха. Чёрная ряса развевалась на ходу, превращая Филарета в огромную тёмную птицу.

Настя знала то, что кроме неё здесь знал лишь Гагарин. Под этой одеждой скрывалась сила, способная сокрушить стену. Она слышала, как он однажды остановил рукой бешеную лошадь. Видела, как его взгляд становился холоднее стали. Для неё он был героем, воином в облачении монаха. Это знание грело лучше любой шали. Пока Филарет рядом, никакое чудовище — реальное или выдуманное — не посмеет напасть.

Но девушки такие противоречивые... ей всё равно было страшно. Особенно когда справа, за деревьями, открылось озеро.

Вода не блестела, как в реке у Засекиных. Она была чёрной, неподвижной, затянутой плотным слоем ряски и зелёной тины — будто земля затягивала рану. Веяло затхлостью и холодом. Казалось, что под этой зелёной коркой скрывается бездна, готовая в любой момент разверзнуться и поглотить того, кто ступит слишком близко. Настя невольно за-

медлила шаг. Ей почудилось, что вода дышит — медленно, тяжело, как огромный лёгкий зверь перед прыжком.

— Вот и усадьба, — сказал Филарет, останавливаясь.

Дом Мелецких возник перед ними как декорация к дурному сну — такая же зыбкая, такая же неправильная. За два года усадьба словно постарела на десятилетия. Каменные колонны, обрамляющие въезд, облупились, обнажая грязный кирпич. Кованая решётка, когда-то бывшая предметом гордости хозяев, покрылась рыжими потеками ржавчины и местами погнулась, словно от чьего-то мощного удара изнутри — или от отчаянной попытки выбраться.

Жизнь ушла отсюда вместе с гибелью дочери. Окна главного дома зияли тёмными провалами, стёкла либо были выбиты сильными ветрами, либо настолько заросли грязью, что не пропускали свет. Насте показалось, что оттуда на них смотрят. Не лица — безмолвные обвинители. Или жертвы, застывшие в ожидании.

В сумерках дом казался иллюстрацией к страшной немецкой сказке, которую Настя нашла в шкафу и потом несколько ночей подряд не могла заснуть. Мать, помнится, спрятала книгу подальше от любопытной девочки. Но картинка въелась в память навсегда: замок, в котором живут не люди, а тени.

Трава во дворе была скошена, но выглядела скорее как луг, чем как газон — неухоженная, с проплешинами и жёсткими кочками. Два маленьких окна, спрятанных под самой

крышей, следили за непрошеными гостями, словно два злобных, немигающих глаза.

Наташа вспомнила, что в детстве это вызывало у неё мурашки по коже. Во взрослом возрасте трудно было избавиться от ощущения, что за ними наблюдают. Наблюдают и ждут.

Солнце окончательно спряталось за лесом. Наступили сумерки — вязкие, сырые, липкие. Воздух стал тяжёлым, потянуло прелой листвой и болотной водой — сладковатым запахом разложения. От озера поднялся туман. Он казался живым существом: полз по земле, обвивал корни деревьев, подбирался к воротам усадьбы, затекал под одежду, заставляя кожу покрываться мурашками.

В сумерках всё казалось ненастоящим, зыбким, сотканным из полутонов и ошибок зрения. Словно граница между миром живых и миром ушедших истончилась до предела — до нити, которая вот-вот лопнет.

— Там кто-нибудь живёт? — спросила Настя тихо, почти шёпотом. Ей показалось, что говорить громко опасно — можно привлечь чьё-то внимание. Того, кто наблюдает из этих тёмных окон.

— Отец Сони. Мелецкий. Сказали, что его хватил удар, — ответила Наташа, тоже шёпотом. — А Сониная мать уехала в Петербург почти сразу. Не вынесла тишины и одиночества. Так матушка говорила, я слышала.

Настя перевела взгляд на озеро. Туман сгустился над водой, и ей на мгновение почудилось движение в белой пеле-

не. Будто кто-то высокий и бледный вышел на берег. Беззвучно. Бесшумно. Встал у самой кромки воды и смотрит. Настя моргнула — видение исчезло. Но ощущение взгляда осталось.

— Пойдёмте отсюда, — сказала Наташа хриплым, сорванным голосом. — Мне тут не нравится. Тут всё... другое. Незнакомое. Страшное.

— Но раз мы пришли... — Настя снова взяла кузину за руку. Пальцы Наташи были ледяными. — Мы справимся.

Они шагнули под арку. Скрипнуло кованое украшение над колоннами, а потом что-то ухнуло в глубине дома, будто эхом отозвалось. За спиной плеснула вода — отчётливо, громко, словно что-то тяжёлое вошло в озеро. Или вышло из него.

Даже сейчас было видно, как хорош когда-то был дом. Построенный из красного кирпича, окружённый розарием, но розы одичали, превратились в колючие, непролазные заросли. Белые и розовые лепестки валялись на земле, бурели, гнили. Все вокруг пропитано увяданием.

Девушки обошли дом справа. Наташа шёпотом рассказала, как увидела Соню в ту ночь из своего окна. Окно Сониной комнаты выходило на другую сторону.

— Вон там, — Наташа подняла руку и взвизгнула.

На широкой каменной террасе с балюстрадой в кресле сидела тёмная фигура.

Девушки замерли. Потом Наташа пропищала едва слыш-

но:

— Аркадий Владимирович...

Мужчина по-прежнему молча смотрел прямо сквозь них, будто они были прозрачными — или их не существовало вообще.

Прошло два года с момента гибели Сони, но казалось, что минуло двадцать — так сильно постарел некогда импозантный помещик. Густые тёмные волосы поседели за одну ночь, на бледной коже виднелись глубокие морщины, не возрастные, а прорытые горем, как трещины на высохшей земле. На лбу обнажился шрам — изогнутая серебристая линия на виске.

Бежать было неудобно и глупо. И страшно — потому что если бежать, то этот дом и этот человек останутся за спиной, а оборачиваться нельзя. Девушки осторожно поднялись по мраморным ступеням. Камень был холодным, скользким от влаги.

— Аркадий Владимирович, здравствуйте. Это я, Наталья Засекина.

Мужчина по-прежнему смотрел невидящим взглядом.

Потом вдруг спросил — тихим, безжизненным голосом, от которого кровь стыла в жилах:

— Вы сейчас уйдёте?

Это была не грусть. Это была надежда. Надежда на то, что они немедленно уйдут и оставят его одного — навсегда.

— Нет, господин Мелецкий. Мы не уйдём. — По ступе-

ням поднялся иеромонах Филарет. Голос его звучал спокойно, но в нём появилась новая нота — стальная. — Мы пришли вас навестить. Справиться о вашем здоровье. Разве это не приятно?

Мелецкий молчал.

— Вы же не один здесь живёте? С вами кто-то есть?

Тишина. Тяжёлая, давящая. Казалось, сам воздух вокруг сгустился и ждёт ответа.

Филарет легонько подтолкнул девушек к ступеням:

— Давайте узнаем, есть ли в доме кто-то ещё.

Настя повернулась — и тут ледяная рука схватила её за запястье.

Хватка была на удивление сильной — нечеловечески сильной для больного, разбитого человека. Девушка вскрикнула, увидев искажённое лицо Мелецкого. В глазах его больше не было пустоты.

Филарет навис над ними чёрной птицей. Полы рясы взметнулись на ветру, и Насте на миг показалось, что за спиной иеромонаха выросли крылья.

— Отпустите её, Мелецкий.

Настя схватила длинные ледяные пальцы и начала отрывать их от своего запястья — один за другим. Но он сжимал снова. А потом притянул её ближе, пока их лица не оказались в нескольких дюймах друг от друга.

Глаза их встретились — и Настя увидела в них не безумие. Она увидела ум. Острый, ясный, живой ум в мёртвом теле.

Бледно-серые глаза смотрели на неё с пугающей осознанностью.

— Я знаю, что они сделали, — тихо сказал Мелецкий. Голос его больше не дрожал. Он был твёрдым. — Они не могут притворяться невинными передо мной.

Филарет схватил Настю за плечи и с силой оторвал от помещика.

В ту же секунду распахнулись двери, и на пороге появился лакей — бледный, растерянный, заспанный.

— Он причинил вам боль, барышня? Всё в порядке?

Настя кивнула, едва в силах говорить. В ушах всё ещё звучали слова Мелецкого: «Я знаю, что они сделали».

— Наталья Константиновна, простите, — кланялся лакей.

— Мы не ждали гостей. Если бы вы предупредили, прислали посыльного... к нам никто давно не заходит. А барин... немного не в себе. Обычно он такой тихий. Вы просто его испугали.

Мелецкий откинулся в кресло, снова уставившись в пустоту невидящим взглядом, словно ничего не произошло. Слово рука, сжимавшая запястье Насти минуту назад, принадлежала не ему.

— Всё в порядке? — чуть громче спросил лакей, видимо решив, что барышни в шоке.

Честно говоря, так и было.

— Всё в порядке, — сказала Настя, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Это было неожиданно... вот и всё.

— Я не думаю, что он хотел вам навредить, барышня. — Лакей почти до земли поклонился Филарету. — Батюшка, простите... что же не предупредили...

— Давно ваш барин был на исповеди? — спросил Филарет, не сводя глаз с Мелецкого.

— Да какая тут исповедь... — Лакей виновато развёл руками. — Первое время приезжал батюшка из деревни, да какой смысл... он и перестал ездить. К нам вообще никто не заходит уже, почитай, год. Вы первые.

— Аркадий Владимирович, — Филарет шагнул ближе к креслу. — Если вы хотите исповедоваться, я к вашим услугам. Или мы можем просто поговорить.

Но Мелецкий по-прежнему смотрел в пустоту. Только веки дрогнули — один раз, коротко, будто он услышал что-то, что не предназначалось для чужих ушей.

Филарет кивнул лакею, и они спустились с террасы. Лакей всё ещё кланялся и извинялся, когда они обходили дом. Остановились на подъездной дорожке перед тёмными окнами. Вдруг Наташа вскрикнула и вцепилась в Настю — так сильно, что ногти впились в кожу.

— Что случилось?

— Там... — Девушка клацнула зубами, кивнув на окно. — Там моё отражение. В окне.

— Чего ж ты испугалась?

— Мне на миг почудилось... — Наташа всхлипнула. — Что это Соня.

За воротами простиралась лужайка и несколько больших деревьев, отбрасывающих длинные тени — чёрные, неестественно вытянутые, словно пальцы, тянущиеся к ним. Вдали мерцал лунный свет на воде. Или это разыгралось воображение? Летом темнеет поздно... но здесь тьма наступила раньше, чем должна была. Или она просто не отпустила этот дом никогда?

После двух лет запустения пруды, несомненно, нужно осушить и очистить, прежде чем снова наполнить водой. Но до чего же очаровательным местом должна была быть усадьба в пору своего расцвета! Настя почти могла представить: цветущие розы, смех, свет в окнах, девушку с венком на голове у воды.

Они молча шли по лесной дороге. Настя думала о том, что она ожидала увидеть. Девушку, плывущую в воде с рыбьим хвостом? Призрака? Или правду? Был ли смысл в их прогулке в эту отчаявшуюся усадьбу? Кажется, вопросов стало только больше.

— А Мелецкого навещают, — негромко сказал Филарет.

— Кто? — удивлённо вскинулись девушки.

Филарет пожал плечами:

— Свежие следы экипажа возле усадьбы. Глубокие — значит, простоял он долго. И дальше земля взрылена. Лошадь, когда стоит долго, перебирает копытами — от скуки или отгоняя мух. Если бы экипаж стоял минут десять, земля осталась бы относительно ровной. А там грунт взбит. Экипаж

стоял не меньше часа. А может, и больше.

Они обошли поместье Засекиных слева, чтобы появиться как раз перед ужином возле беседки, ведя душеспасительную беседу на религиозные темы. На это и списали чуть побледневшие лица девушек. Да и что, собственно, разглядишь в сгустившихся сумерках?

Мистический флёр старой усадьбы остался позади. Ему на смену пришло другое чувство — тяжёлое, вязкое беспокойство. У усадьбы были совсем не мистические, а вполне реальные секреты. И кто-то очень хотел, чтобы они остались погребёнными вместе с мёртвой девушкой в неосвящённой земле.

Глава 6.

Ранним утром Гагарин вновь отправился на церковное кладбище. Увы, постоялый двор в Богородицке оказался ещё хуже, чем он представлял, и уже вторую ночь выспаться не удалось. Первая прошла в дороге, вторая — в ужасных условиях.

Он вертелся на неудобной кровати, мысли перескакивали со странного захоронения на встречу с Анастасией, потом он проваливался в сон — и ему снилась Настя с косой в руке, встающая из гроба посреди ночи. Потом она превращалась в светловолосую красавицу, которая призывно смотрела на него весь ужин, но чьего имени он так и не запомнил.

Павел вскакивал в холодном поту, ругал переедание, вызывающее кошмары, снова ворочался — а потом заголосили петухи. В довершение всего из окна так несло навозом, что князь начал задыхаться.

Интересно, в Амвросиевом монастыре найдётся келья для высокопоставленного чиновника или тамошние монашеские постели ещё хуже?

На кладбище он обнаружил двух мужчин. Их лопаты с остервенением впились во влажную от утренней росы землю. Мужчины были очень похожи: один выглядел точной копией другого, только намного моложе. Помнится, тем утром

их привёл староста, чтобы унести тело в холодильник.

— Доброе утро, — окликнул Гагарин.

Старший мужчина воткнул лопату в землю, опёрся на рукоятку, затем снял кепку и вытер вспотевшее лицо грязным платком. Скомкал платок, засунул обратно в карман и только после этого ответил на приветствие коротким кивком.

— Доброго утра, барин. Вы заблудились? — спросил младший.

— Я чиновник по особым поручениям, расследую случай незаконного захоронения. Вы, я полагаю, в курсе.

Старший кивнул:

— Верно, барин.

— Странное происшествие, не находите?

— Ой, барин, — сказал младший, — да я как увидел эту косу, чуть не обделался.

Гагарин поморщился.

— Простите, Ваше благородие, испугался сильно, в общем.

— Вы когда-нибудь видели что-то подобное?

— Здесь нет. Но все знают, что это лучший способ похоронить мутницу, — тоном знатока сообщил младший.

— Мутницу?

— Ну да, барин. Нежить.

— А ты веришь в нежить? — поинтересовался Гагарин у старшего.

— Я, барин, верю в то, что мне платят. И если мы не вы-

роем эту могилу к сегодняшним похоронам, останемся голодными.

Гагарин достал из кармана несколько мелких монет и протянул могильщику.

— Кто-то из вас видел раньше эту девушку?

— Не видели, — резко ответил старший, но деньги взял.

Младший молчал, хотя в глазах его вспыхнула искорка.

Он явно что-то знал, но не хотел признаваться при отце.

В ожидании иеромонаха — который несомненно прекрасно выспался, в этом князь не сомневался — Гагарин вернулся к пустой могиле на границе церковной земли. Возможно, при свете дня обнаружится что-то, пропущенное на днях на рассвете.

Он внимательно осмотрел территорию рядом с могилой, но не нашёл ничего, кроме брошенных инструментов, которые видел раньше. Крышка не могла открыться случайно — учитывая количество торчащих из толстого дерева гвоздей, а лом был оставлен в могиле.

Единственный правдоподобный сценарий: кто-то открыл могилу, использовал лом, чтобы сорвать крышку, затем увидел содержимое и в ужасе убежал, чуть не попав под колёса экипажа. Не вскрой могилу грабители, никто ничего бы не узнал. Увидев, как похоронена девушка, даже грабители решили, что она может восстать из могилы и выпить их кровь, чтобы вернуть свою силу.

Но это образованные люди читали романы о вампирах. А

что знают об этом в деревне? Что-то точно знают. Не зря отец Степан предупреждал, что нельзя игнорировать убеждения простых людей.

Гагарин достал карманные часы и посмотрел время. Иеромонах всё ещё не появился, а он по глупости отпустил кучера, предполагая, что они с Филаретом отправятся куда-нибудь позавтракать в его экипаже. Наверняка монастырь снабдит московского гостя средством передвижения — не пешком же он пойдёт.

Князь взглянул на небо. Густые низкие облака потемнели, ветер трепал трепещущие листья, отважно цепляющиеся за колышущиеся ветви. Неминуемо приближался дождь. Если иеромонах немедленно не появится, деться некуда, кроме как укрыться под раскидистым кленом на краю кладбища.

Гагарин собирался снова посмотреть на часы, но заметил молодого могильщика, идущего в его сторону. Юноша пару раз оглянулся, высматривая отца, но того нигде не было видно. Возможно, он зашёл в часовню или вернулся в хозяйственную постройку, где могильщики хранили инструменты.

— Ты хотел мне что-то рассказать?

Юноша замялся, глаза забегали. Потом он отступил на шаг назад и наконец сказал:

— Я это... видел, да. Видел однажды. Ну... девушку.

— Правда? Где?

— Вон там. — Парень указал на ряд надгробий. — Вон

там, каменный крест справа. Она положила туда цветы.

Час от часу не легче. Девушка, кладущая цветы к надгробию на деревенском кладбище, никак не могла быть простого сословия. Хотя... бывают же, наверное, крестьянки, рвущие полевые цветы и приносящие их на могилы близким? Этого Гагарин не знал и вообще имел весьма смутные представления о жизни крестьянок. Что-то вроде пейзажков с веночками на распущенных волосах, бегущих по полю... Дальше его воображение не распространялось.

— Я это... пойду. Отец ругаться будет. В общем, там что-то не по-нашему написано. По-нашему — и не по-нашему.

Как это может быть, князь не понял и направился к ряду могил, на которые указал юноша.

Каменный памятник-крест и правда оказался странным.

Вроде и не крест совсем, а каменная плита, обрезанная по краям, чтобы придать форму креста. И ни одного свободного места: вся плита испещрена какими-то рисунками, знаками. Что это такое? Нужно немедленно выяснить у отца Степана, что за странные кресты у них тут на церковном кладбище.

— Крайпуташ рассматриваешь? — раздался из-за спины знакомый голос.

Вот ведь способность у иеромонаха появляться бесшумно! Или это странное захоронение так увлекло князя, что он ничего больше не замечал...

— Край... что?

— Крайпуташ. Сербский памятник-барельеф. От язычества у сербов осталось верование, что надгробный камень является своеобразным домом души, покинувшей тело. Наличие памятника было ей необходимо, а его облик — символика, защитные знаки — обеспечивал душе комфорт и безопасность. Если серб умирал далеко от дома, то на обочине дороги ставили памятник, под которым покоилась его одежда, чтобы родственники могли приходить навещать усопшего.

— Резной камень?

— Душа умершего по поверьям обречена на блуждания. Чтобы перестать быть скиталицей, она может привязываться к растению, птице, животному, дереву или камню. Камень, обладающий силой, твёрдостью и долговечностью, обеспечивает душе лучшее пристанище. Надгробный камень, с одной стороны, даёт душе умершего жилище, с другой — живым память. Фактически памятник считается единственной материальной связью между умершим и тем, кто пришёл на его могилу. Люди всегда хватаются хотя бы за крупицу материального — духовное им, увы, недоступно для понимания.

— Но что означают эти символы?

— О, здесь всё просто. Люди не знают, как выглядит мир мёртвых, поэтому резчик или заказчик памятника обычно боятся недосказать, потерять что-то значимое для души. И говорили, что отсутствие пустого места на памятнике не оставляло лазейки для темных сил. Смотри, всё же понятно:

круг — это голова, птица и дерево — душа и крест. Фруктовое дерево с корнями — свадебное дерево, значит, здесь лежит весьма молодой человек. Солнце и месяц символизируют рождение и смерть; слева от Распятия месяц символизирует Ветхий Завет, солнце справа — Новый. Солнце вместе с луной напоминают о смерти и оживлении, о новом рождении. А вот две спирали — жизнь и смерть.

— Но кто здесь похоронен?

— Ты невнимательно смотришь. Вот здесь, внизу.

Внизу креста были выбиты слова: «Бог. Честь. Отчизна».

И имя: Янош Вукович.

— Возможно, покойный был родственником или другом нашей молодой женщины. Начало положено! Невозможных задач не бывает: теперь у нас есть имя и, возможно, его знали.

На дорожке показался отец Степан. Он, разумеется, был оповещён о прибытии высокопоставленной духовной особы из Москвы и торопился выразить своё почтение.

Филарет помахал ладонью в воздухе: «хватит, хватит». Даже слегка поморщился, пока молодой священник разливался соловьём.

— Отец, вы ведёте записи обо всех похоронах и о том, кто их организовывал?

— Да, конечно. Но никто ко мне не обращался по поводу похорон той девушки, — слегка раздражённо ответил отец Степан. Видимо, он приготовил целую речь, но был оборван

гостем в самом её начале.

— Я совсем не о ней. Я вот об этом памятнике. Не могли бы вы проверить имя: Янош Вукович?

Отец Степан пообещал просмотреть записи, а пока спас гостей от голода. К чаю прилагались пироги с журавихой — день-то постный. И пироги с луком и морковкой.

Гагарин откусил осторожно: кто её знает, эту журавиху? Что это вообще такое? Но уж не отравят в доме Божьем. Оказалось — обычная клюква, коей был полон Серафимовск: болота черемисские недалеко, а там этой клюквы... Журавиха... чудные они тут. Каких-то пятьдесят вёрст от города, а поди ж ты — журавиха.

* * *

Следующим пунктом назначения стала Богородицкая земская больница, куда перевезли тело из холодника при церкви.

По законам Российской империи вскрытие производилось лишь в случае уголовного преступления, но наука не стояла на месте, поэтому вскрывали часто и в случаях обычной смерти. Родственники ломались в двери, требовали прекратить издевательства над покойным, а простые люди часто забирали родных, особенно детей, из больницы: лучше пусть дома сам помрёт, зато после смерти резать не будут.

Сейчас имелись все признаки преступления, родственников не имелось, так что доктор мог работать спокойно. Перед началом вскрытия он надеялся найти ключ, чтобы снять

кандалы, но ничего подобного не нашлось. Да и кто же будет класть ключ в могилу той, кого приковали, чтобы после смерти не восстала!

Девушка была так молода... Ничто в её внешности не указывало на болезнь или продолжающееся насилие. И лезвие косы воткнули и наручники надели, похоже, посмертно, а нежная кожа, блестящие волосы и чистый цвет лица говорили о жизни в относительном комфорте. Поразительная красота! Глаза при жизни были глубокого синего цвета, как лесные колокольчики. Может, из-за красоты её и выбрали?

А вот ночная рубашка, похоже, не принадлежала жертве. Она была из качественной хлопчатобумажной ткани. Швы мелкие и ровные, кружева нежные и выглядели как новые. Рубашка была немного коротковата и слишком широка, чтобы быть сшитой специально для жертвы. Возможно, она принадлежала женщине крупной комплектации, которая добровольно или невольно ею поделилась.

Осмотр показал, что девушка не ходила босиком и не носила старую обувь, которая натирала ноги; судя по виду её рук, она не работала прислугой. Замки тяжёлые — скорее всего, при жизни девушка с трудом подняла бы их обеими руками. Конструкция простая, а цепи сделаны из тяжёлых тёмных звеньев. Без кузнеца такие замки не снимешь. А тем более не изобразишь. Но деревенские кузнецы явно не при чём. Осталось два варианта: либо кузнецы в Богородицке, либо в усадьбах по соседству.

Поэтому поместье Засекиных и привлекло внимание князя и иеромонаха: кузницы там большие, кузнец имеется. Но тревожить хозяев пока не стали.

На шее девушки нашёлся необычный крестик на серебряной цепочке. Совсем не дешёвая безделушка: крест был сделан в форме изящной розы, внутри которой, собственно, крест и находился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.